

ИНОГДА ХОРОШАЯ КНИГА
СТОИТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДОРОГО

БЕСТСЕЛЛЕР ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

Михаил Дымов

Михаил Дымов

Бестселлер ценою в жизнь

<https://litres.ru/74331047>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом особняке за городом погибает известный писатель Андрей Воронцов.

Дело поручают Вере Сотниковой — в прошлом одному из лучших и самых известных следователей города. Официальная версия кажется очевидной: самоубийство. Но чем больше деталей замечает Вера, тем меньше она верит в эту версию.

Под подозрение попадают все, кто находился в доме: кухарка, дворецкий, садовница и сын погибшего. У каждого есть свои причины желать смерти писателя. И у каждого — тайны, которые они предпочли бы сохранить.

Но расследование неожиданно принимает новый оборот.

Одна из свидетельниц утверждает, что за мгновение до гибели Воронцова видела в окне дома призрачную фигуру женщины.

А вскоре Вера сама становится свидетельницей её появления.

Теперь ей предстоит выяснить, что происходит в старом особняке, кто стоит за смертью писателя, кем является загадочная женщина и что скрывает рукопись, спрятанная в тайной комнате.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бестселлер ценою в жизнь

Пролог

Ночь. Полная луна.

Старый особняк стоял на холме, словно высохший дуб, склонившийся под тяжестью лет. Луна холодно освещала его черепичную крышу, острые шпили и тёмные провалы окон. Только в одном из них, на втором этаже, дрожал жёлтый свет.

В кабинете пожилой мужчина сидел за массивным дубовым столом. Перед ним — старая механическая печатная машинка. Пальцы летали по клавишам с почти яростной скоростью, и стрекот машинки разносился по комнате.

В камине тихо потрескивали дрова. Настольная лампа с зелёным абажуром выхватывала из полумрака его лицо: глубокие морщины, седые виски, тонкие бледные губы, плотно сжатые в полоску.

Он внезапно остановился. Снял очки, положил их на стол и откинулся в кресле. Несколько секунд просто сидел, глядя в потолок. Камин продолжал тихо гудеть. За высоким окном ухала сова — одиноко и настойчиво.

Мужчина потянулся к стакану с виски, сделал два больших глотка и поморщился — не от крепости, а от мыслей, которые тяжело ворочались внутри.

И в этот момент раздался звук.

Клай.

Одинокий, чёткий щелчок.

Затем ещё один. И ещё.

Машинка ожила сама. Клавиши начали двигаться, каретка медленно поползла влево. Бумага поднималась, покрываясь ровными чёрными буквами.

Мужчина вздрогнул так резко, что виски плеснуло через край стакана на полированное дерево стола. Он поставил стакан и потянулся за очками дрожащей рукой.

И в этот миг краем глаза у самой двери заметил движение.

Лёгкая женская фигура в светлом платье мелькнула и тут же растворилась в темноте коридора.

Он замер. Сердце заколотилось тяжело, с болезненными перебоями. Медленно повернул голову к машинке.

Лист был уже наполовину исписан.

Помнишь, что ты со мной сделал?

Пальцы мужчины вцепились в подлокотники кресла так сильно, что побелели костяшки.

Помнишь, что ты со мной сделал?

— Чушь... — хрипло выдохнул он. — Всё это чушь.

Руки дрожали, когда он снова схватил стакан и залпом допил остатки. Но легче не стало.

А потом он услышал плач.

Тихий. Сдавленный. Такой, будто человек изо всех сил пытается сдержаться, но не может. Плач шёл из коридора.

За ним — осторожные, медленные шаги. И тихий, про-

тяжный скрип старых половиц.

Мужчина медленно поднялся. Кресло жалобно скрипнуло под ним. Он не отводил глаз от закрытой двери.

— Кто там? — спросил он. Голос прозвучал хрипло и чуждо.

Ответа не было. Только плач продолжался — теперь ближе.

Он сделал шаг. Второй. Третий. Взялся за дверную ручку. Холодный металл обжёг ладонь. Рванул на себя.

Коридор, длинный, тёмный. В самом конце высокое окно во всю стену заливало пространство холодным лунным светом, рисуя на полу резкие чёрные тени.

И там, в самом конце коридора, стояла она.

Спиной к нему.

Длинные чёрные волосы рассыпались по плечам. Лёгкая белая сорочка струилась почти до пола. Босые ноги на холодном дереве. Она стояла, закрыв лицо ладонями, и тихо, безнадёжно всхлипывала.

Мужчина медленно пошёл к ней. Каждый шаг отдавался скрипом половиц. Коридор казался бесконечным.

Она не оборачивалась.

Он остановился в нескольких шагах.

— Кто вы, мисс? — спросил он. Голос хрипел. — Что случилось? Как вы здесь оказались?

Плач оборвался.

Девушка медленно опустила руки. Ещё медленнее повер-

нулась.

Лунный свет упал ей прямо в лицо.

Мужчина узнал её мгновенно.

До спазма в горле. До ледяного удара под рёбра.

Он узнал эти глаза. Эту линию скул. Эту тонкую шею.

— Ты... — выдохнул он, отступая. — Этого не может быть... Просто не может...

Она смотрела на него спокойно. Почти с усталой грустью. В её взгляде не было ни ненависти, ни ярости — только тяжёлая, бесконечная усталость.

— Помнишь, что ты со мной сделал? — произнесла она.

Губы почти не двигались. Голос звучал отовсюду — из стен, из пола, из самой темноты.

Мужчина попятился, схватился рукой за грудь и, не помня себя, бросился обратно по коридору — к лестнице, к свету, к спасению.

— Этого не может быть, — бормотал он себе под нос. — Не может быть. Не может.

А за спиной, в кабинете, печатная машинка снова застрекотала, выбивая на чистом листе одно и то же слово.

Помнишь.

Помнишь.

Помнишь.

Глава 1

Глубокая ночь. Телефонный звонок разрезал тишину.

Телефон надрывался на тумбочке — дребезжал, вибрировал, требовал ответа. Когда звонок уже почти стих, дрожащая женская рука нащупала трубку и поднесла к уху.

— Да... — голос прозвучал хрипло, с надрывом. Во рту пересохло, голова раскалывалась.

— Вера Александровна? — дежурный говорил виновато, будто сам был виноват в том, что произошло. — У нас труп. Дело серьёзное. Знаменитый писатель. Начальство просит направить самого опытного.

Она не открывала глаз.

— Что там?

— Выпал из окна собственного особняка. Предварительно — несчастный случай или самоубийство. Но сын требует полноценного расследования. Семья влиятельная, пресса уже на подходе.

Вера отодвинула телефон и посмотрела на часы. Четыре ноль семь.

— Куда ехать?

— Посёлок «Сосновка». Двадцать километров от города. Адрес скину.

— Через час буду.

Она сбросила телефон и положила его на тумбочку. Ря-

дом на тумбочке стояла деревянная рамка. На фотографии пятилетняя девочка сидела на качелях и улыбалась так широко и беззаботно, будто весь мир был создан только для неё.

Вера долго смотрела на снимок. Потом медленно перевернула рамку лицом вниз.

Она встала, и тут же задела ногой бутылку виски, стоявшую возле кровати. Бутылка упала с глухим стуком. Янтарная жидкость растеклась по паркету.

— Твою мать... — тихо выругалась Вера.

Она сходила за бумажными полотенцами, молча вытерла лужу, потом прошла на кухню. Сварила крепкий кофе, закинула в рот две таблетки обезболивающего и проглотила сухими. Горечь прилипла к языку.

Через несколько минут Вера стояла под горячим душем. Вода била по плечам и стекала по лицу. Она упёрлась ладонями в кафель и долго смотрела в слив, пока остатки сна, алкоголя и бессонницы утекали вместе с водой.

Сорок минут спустя она уже ехала по просёлочной дороге. В машине тихо играло старое радио. Вера одной рукой держала руль, другой сжимала термос с остывшим кофе. Кофе был отвратительным. Но организм требовал хоть чего-то, что не давало окончательно отключиться. Последние полгода она спала по четыре-пять часов. Иногда меньше. Тело давно работало на остатках упрямства, никотина и кофеина.

Наконец впереди показались высокие чёрные ворота особняка. Журналисты уже облепили их плотной толпой.

Камеры, диктофоны, вспышки телефонов. Они оживились сразу, как только Вера вышла из машины.

— Какие версии следствия? Это убийство?

— Писатель покончил с собой?

Она даже не замедлила шаг.

— Комментариев не будет. Отойдите с дороги.

Её голос резанул так, что первый ряд журналистов невольно шагнул назад.

За воротами её встретил молодой участковый — худой, помятый, с блокнотом в руках.

— Доброй ночи, — нервно улыбнулся он. — Младший лейтенант Гаврилов Пётр Сергеевич.

Вера достала сигарету, прикурила.

— Старший следователь Сотникова Вера Александровна, — затянулась, выпустила дым. — Докладывай, Пётр Сергеевич.

— Погибший — писатель Андрей Воронцов. Шестьдесят восемь лет. Тело обнаружил сын около двух часов ночи. Предварительно — смерть наступила от перелома шеи при ударе. Свидетели слышали крики незадолго до смерти.

— Свидетели? — Вера прищурилась, выпуская дым в сторону особняка.

— Дворецкий, кухарка и сын. Садовница была в домике охраны, говорит, ничего не слышала.

— Дворецкий, кухарка, садовница... — Вера усмехнулась уголком рта. — Красиво живут.

Она бросила окурок под ноги и затушила каблуком.

— Пойдёмте смотреть.

Тело лежало на газоне под окном второго этажа. Пожилой мужчина. Руки раскинуты. На лице застыло странное выражение — смесь испуга и глубокой растерянности. От него сильно пахло виски.

— Старший следователь Сотникова, — представилась она, присаживаясь на корточки. — Есть что интересного? — спросила она эксперта.

— Предварительно — перелом шеи при падении, — ответил эксперт. — Остальное после вскрытия.

Вера молча кивнула.

Осмотрела руки. Лицо. Одежду.

Ничего.

Она поднялась.

— Забирайте тело. Заключение пришлёте мне сразу.

Эксперт кивнул. Вера повернулась к участковому.

— Покажите, откуда он выпал.

Внутри особняк встретил их запахом старого дерева, воска и тишины.

Тишина здесь была особенной. Густой. Будто дом прислушивался.

Проходя мимо гостиной, Вера заметила людей на диване — кухарку, дворецкого и молодого мужчину лет тридцати. Они сидели молча, почти не двигаясь.

— Свидетели, — тихо пояснил Гаврилов.

Вера коротко кивнула.

Сначала место смерти. Потом разговоры.

Они поднялись на второй этаж.

У окна, из которого выпал покойник, Вера сразу заметила залом на ковровой дорожке — будто кто-то споткнулся или его тащили.

Она подошла ближе. Осмотрела разбитую оконную раму. Выглянула вниз.

— Не так уж и высоко, чтобы насмерть, — задумчиво произнесла она.

— Неудачное приземление, — повторил участковый версию эксперта.

— Возможно.

Но голос её прозвучал без убеждённости.

— Для самоубийства — не очень хорошее решение, — заметила Вера. — Что покойный делал перед смертью?

— По словам свидетелей — был в кабинете. Работал над новой книгой.

— Кабинет осмотрели?

— Да. Ничего подозрительного.

— Посмотрим.

Кабинет был именно таким, каким и должен быть кабинет знаменитого писателя: массивный дубовый стол, книжные шкафы до потолка, камин с тлеющими углями и старая печатная машинка.

Вера подошла к столу.

В машинке был заправлен чистый лист.

— Говорите, он писал перед смертью? — спросила она.

— Так точно, — кивнул Гаврилов.

— И где текст?

Участковый растерянно моргнул.

Вера нахмурилась. Наклонилась ближе и заметила в зазоре валика маленький клочок бумаги. На столе лежал нож для писем с костяной рукояткой. Она осторожно подцепила им бумагу и вытащила наружу.

Развернула.

Два слова, напечатанные с нажимом:

Помнишь. Помнишь.

Вера долго смотрела на клочок. Потом достала телефон и сфотографировала его.

— Упакуйте это отдельно, — сказала она спокойно.

Участковый осторожно взял улику.

Вера медленно обвела взглядом кабинет.

Всё вокруг лежало на своих местах. Каждая вещь имела своё определённое место. Порядок был почти педантичный — будто здесь жил человек, который ненавидел хаос. Книжки стояли ровно по размеру. Бумаги лежали идеально аккуратными стопками. Даже ручка была положена параллельно краю стола. И только один предмет выбивался из этой почти болезненной аккуратности.

Бокал.

Он стоял чуть набок, почти на краю стола, словно его по-

ставили второпях. Вера подошла ближе. Она пригляделась, после наклонилась к столу и слегка принюхалась.

— Виски, тут было разлито. Вытерли?

— Ничего не трогали.

Она прищурилась.

Потом медленно выпрямилась и посмотрела на участкового.

— Пойдём знакомиться со свидетелями. Что-то мне подсказывает, что самоубийство здесь — слишком удобная версия.

Глава 2

Когда Сотникова и Гаврилов спустились в гостиную, напряжение там ощущалось почти физически.

Оно висело в воздухе вместе с запахом кофе, дорогого алкоголя и старого дерева. Трое людей сидели и стояли так, будто боялись сделать лишнее движение. Каждый нервничал по-своему. Но скрыть это не удавалось никому.

Пётр вошёл первым. Вера задержалась у дежурного полицейского возле входа и тихо сказала ему несколько слов. Тот удивлённо поднял брови.

— Исполняйте, — повторила она уже громче.

— Так точно.

Полицейский быстро вышел из комнаты.

Только после этого Вера повернулась к остальным.

Все смотрели на неё.

Она медленно обвела взглядом комнату — лица, руки, позы, движения.

Кто как сидит.

Куда смотрит.

Кто избегает чужих глаз.

Она не смотрела. Она сканировала.

— Старший следователь Сотникова Вера Александровна,

— сказала она спокойно. Голос был низким, чуть хриплым после ночи.

Повисла короткая тишина.

Гаврилов кашлянул и начал представлять присутствующих:

— Максим Андреевич Воронцов, сын погибшего...

— Просто Максим, — перебил мужчина.

Он сидел в кожаном кресле, развалившись чуть сильнее, чем позволяла ситуация. В руке — бокал виски. Второй рукой он тёр висок, будто пытался унять головную боль.

Вера поймала себя на том, что смотрит не на него, а на содержимое в бокале.

Организм моментально вспомнил вкус алкоголя.

— Мария Сергеевна Павлова, повар.

Женщина слегка вздрогнула, когда услышала своё имя. Натянута улыбнулась и тут же опустила взгляд в пол.

Пальцы её нервно мяти край фартука.

— Константин Анатольевич Тихонов.

Дворецкий слегка наклонил голову.

Идеальная осанка. Спокойное лицо. Неподвижный взгляд.

Слишком идеально.

Вера отметила это про себя. Она не любила людей, которые держали себя слишком идеально. Обычно за этим скрывалось что-то гнилое.

— А где садовница? — спросила Вера, ещё раз оглядев

комнату.

— В сторожке, — ответил Гаврилов. — С ней наш сотрудник. Девчонка в истерике. В дом заходить боится, несёт всякую ересь.

— Ересь? — переспросила Вера. — Ладно, разберёмся.

Она подошла к креслу напротив и села.

— Ладно. Для начала — коротко. Где вы находились в момент происшествия?

Она смотрела на Максима.

Тот покрутил бокал в руке.

— Я был в саду. Поздно приехал с завода, голова гудела. Решил пройтись перед сном.

Он помолчал.

— И сразу скажу: мой отец не покончил с собой.

— Вот как?

— Да. Он был кем угодно — самовлюблённым ублюдком, тираном, психом... но точно не самоубийцей. И уж точно не пьяница, который мог просто вывалиться из окна. Кто-то ему помог.

— Максим... — тихо начала кухарка.

— Что «Максим»? — огрызнулся он. — Ты двадцать пять лет здесь работаешь, Маша. И прекрасно знаешь, каким он был.

Дворецкий стоял неподвижно, но пальцы его правой руки слегка сжались — и тут же расслабились.

— У вас были плохие отношения? — спокойно спросила

Вера.

Максим хмыкнул.

— А у кого с ним были хорошие?

Он допил виски почти залпом.

— Мария Сергеевна? — перевела взгляд Вера.

Женщина не ответила сразу.

Она перестала теревить фартук и напряглась, будто собираясь с мыслями.

— Я... спала у себя. На первом этаже. Рядом с кухней. Я ничего не слышала. Только потом... крик Максима.

Она сглотнула.

— И ещё... звук стекла.

— Крик самого Андрея Викторовича слышали?

Мария замерла на секунду.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Вера заметила это, но никак не отреагировала.

— Господин Тихонов?

Дворецкий выдержал короткую паузу — ровно настолько, чтобы ответ звучал обдуманно, а не заготовленным.

— Я находился в своей комнате, мадам. Уже собирался спать, когда услышал крик Андрея Викторовича. После этого — звук разбитого окна. Когда я вышел, Максим Андреевич уже был возле тела.

Спокойно. Чётко. Без единой лишней эмоции.

— И никто не видел ничего подозрительного? — спросила

Вера.

Константин слегка повернул голову.

— Дом старый. Здесь постоянно что-то шумит. Скрипят полы, гудят трубы, гуляет ветер. Со временем перестаёшь обращать внимание.

После его слов тишина в комнате будто стала тяжелее.

Вера медленно оглядела комнату.

Максим избегал смотреть на дворецкого.

Мария снова нервно теребила край фартука.

А сам дворецкий наблюдал за всеми слишком внимательно.

Будто не отвечал на вопросы.

Будто изучал их реакцию.

— Хорошо, — наконец сказала Вера. — На сегодня хватит. Завтра продолжим.

Она поднялась.

— До окончания расследования прошу никого не покидать территорию дома.

Максим усмехнулся:

— А если очень захочется?

— Тогда я начну подозревать вас ещё сильнее.

Он впервые посмотрел на неё с интересом.

Когда они с Гавриловым вышли на улицу, небо уже начинало светлеть.

Воздух стал холоднее и чище. Где-то вдалеке кричала птица.

Гаврилов наконец не выдержал:

— А что вы сказали дежурному?

Вера достала сигарету и прикурила.

— Попросила ещё раз проверить кабинет. И коридор возле окна.

— Думаете, это убийство?

Она затянулась и медленно выпустила дым вверх.

— Думаю, в этом доме все что-то скрывают.

Пётр нахмурился:

— Из-за бумажки?

— Не только.

Несколько секунд Вера молча смотрела на особняк.

Даже на рассвете дом выглядел мёртвым.

Тёмные окна. Острые шпили. Слишком тихие стены.

Будто он действительно наблюдал за ними.

— Что там с садовницей? — спросила она.

— Да странная история. Говорит, видела женщину в окне второго этажа.

— Какую женщину?

— Не знаю. Она толком объяснить не может. В истерике была. Всё про призраков говорила.

Вера медленно повернулась к нему.

— Призраков?

Гаврилов неловко пожал плечами.

— Ну, сами понимаете... шок, нервы...

Вера затушила сигарету о край урны.

— Возможно.

Она ещё раз посмотрела на тёмные окна особняка.

— Ладно. Пойдём. Хочу услышать про женщину в окне.

Глава 3

Сторожка находилась метрах в ста от дома. Они прошли по тропинке, выложенной из камня. Вокруг дорожки тянулись красиво оформленные кусты роз. Вера невольно отметила, насколько аккуратно и с какой любовью они были ухожены.

— Интересно, — сказала Вера, останавливаясь прямо перед входом в маленький домик. — Сторожка есть, а сторожа нет? Тебя это не смущает?

— Если честно, не очень.

— А меня смущает. Узнай, куда он делся, — раздражённо сказала следователь и открыла дверь.

Когда дверь распахнулась, девушка, сидевшая на кровати, вздрогнула.

Её глаза были опухшими, лицо — бледным, почти прозрачным в утреннем свете. На вид ей было лет двадцать. Со всем молодая. Она сидела, обхватив колени руками, смотрела на вошедших с испугом и надеждой одновременно — будто ждала помощи, но боялась, что её снова обманут.

— Колокольцева Елизавета Михайловна, садовница, — представил её Гаврилов.

— Сотникова Вера Александровна, старший следователь, — вторил младший лейтенант, показывая на Веру.

Вера оглядела комнату. Маленькая, тесная, но чистая. У

стены — кровать. У окна — простой деревянный стол.

Она прошла к стулу, развернула его так, чтобы сидеть лицом к кровати, и села.

— Что ж, Елизавета, давайте я задам вам пару вопросов. А после вы попробуете поспать. Вопросы простые, не сложные. Попрошу ответить на них предельно честно.

Садовница просто кивнула. Губы её дрожали.

— Скажите, где вы были, когда произошло происшествие? — Вера достала телефон, приготовилась делать заметки.

— Я была здесь. Собиралась спать. Не могла долго уснуть, — голос девушки был дрожащим, в нём чувствовалась сильная усталость. — Потом я решила пойти в дом.

— Зачем? — перебила Вера.

Девушка запнулась. Замолчала на секунду, будто подбирала слова.

— Мне нужно было в свою комнату. Хотела взять кое-какие вещи.

— А почему вы спали здесь, если в доме у вас есть своя комната?

Девушка слегка встрепенулась от этого вопроса. Едва заметно. Но Вера всё равно это подметила.

— Не могу я там спать.

— Почему?

Девушка отвела взгляд.

— Просто не могу.

— Ладно. Вернёмся к этому позже. Давайте продолжим ваши показания.

— Когда я шла к дому, в доме почти не было света. Но на втором этаже в окне я увидела её.

Девушка оборвала свою речь. На глазах начали собираться слёзы.

— Кого? — мягко спросила Вера. — Девушку?

Елизавета молчала.

— Елизавета, помните. Только честно. Мы ведь хотим добраться до правды?

— Да, — виновато сказала девушка. — Но я думаю, вы сочтёте меня сумасшедшей. Как те полицейские, что допрашивали меня до вас. Они думают, мне привиделось. Но я чётко её видела.

Она посмотрела на Гаврилова, который так и стоял в дверях.

— Она стояла и смотрела в окно. На мгновение мне даже показалось, что она смотрит прямо на меня. Она была в белой ночной сорочке. Лунный свет будто проходил сквозь неё. Мне даже показалось, что за её фигурой виден коридор. Она казалась абсолютно настоящей. И в то же время — нет.

— Что было дальше, Елизавета?

— Потом она медленно повернулась в сторону коридора. И я увидела за ней силуэт. Это был Андрей Викторович.

Девушка заметно поморщилась, когда произнесла имя писателя. Вера снова сделала пометку в телефоне.

— Дальше, Елизавета. Или вам нужно передохнуть?

— Нет, всё хорошо.

По её лицу потекли слёзы.

— Дальше я слышала крик и звук разбитого стекла. Мне стало жутко страшно. Я развернулась и убежала обратно в сторожку. И просидела тут до приезда полиции. Здесь меня и нашли.

Слёзы катились по её щекам. Вере вдруг стало не по себе.

Она встала, подошла ближе и неожиданно для самой себя мягко обняла девушку за плечи.

— Ну всё, всё, тише. Успокойтесь, Лиза. Хотите воды?

— Да, пожалуйста.

Вера обернулась.

— Гаврилов. Чего стоишь? Воду подай девочке.

Гаврилов будто проснулся. Быстрым шагом дошёл до стола, налил воды из графина в стакан и подал девушке. Та сделала несколько глотков.

— Спасибо.

— Что же, Елизавета. Давайте продолжим позже. Мы сейчас уйдём, а вы попробуйте поспать. Мы вернёмся сегодня во второй половине дня и продолжим расследование. А пока приходите в себя, отдыхайте.

— Спасибо, — ещё раз сказала садовница.

Вера и Пётр вышли из сторожки.

— Чепуха какая-то, — сказал Гаврилов. — Ну какие призраки? Не бывает же их, да?

Он вопросительно посмотрела на Веру.

Та достала пачку сигарет, вытащила одну и начала искать зажигалку.

— Не знаю, Пётр Сергеевич. Девочка в это очень сильно верит. Говорит искренне. По крайней мере, об этом.

Она наконец нашла зажигалку и прикурила.

— Напугана она сильно. Пусть немного придёт в себя. Позже ещё побеседуем.

Вера сделала глубокую затяжку и выпустила дым в холодный утренний воздух.

— Ладно. Поработай с остальными. Подними всё, что сможешь, на свидетелей. Особенно на сына, кухарку и дворцового. Финансы, старые конфликты, прошлое.

— Понял.

— И узнай, куда делся предыдущий сторож.

— Думаете, связано?

Вера усмехнулась уголком рта.

— В этом доме всё связано.

Она бросила взгляд на особняк.

— Я поеду к медикам. Узнаю, что там по вскрытию. Потом загляну в пару мест к знакомым. Встретимся здесь часов в шесть вечера. Хватит тебе времени?

Гаврилов кивнул.

Несколько секунд Вера молча смотрела на дом.

Даже при свете рассвета он выглядел чужим.

Тёмные окна. Острые шпили. Каменные стены, хранив-

шие слишком много секретов.

Она чувствовала это почти физически.

Что-то здесь не сходилось.

Слишком много лжи.

Слишком много недосказанности.

Слишком много людей, которые явно знали больше, чем говорили.

Не просто очередное дело.

Не просто пьяный старик, выпавший из окна.

Нет.

Здесь была загадка.

Настоящая.

Такая, где каждая найденная улика рождает два новых вопроса.

Такая, где правда прячется не за одним человеком, а за целым клубком чужих тайн.

Вера почувствовала знакомый холодок в груди.

Тот самый.

Который появлялся каждый раз, когда она выходила на след.

Когда пазл только начинал складываться.

Когда ответы были ещё далеко, но интуиция уже шептала, что дело стоит того.

Она любила это чувство.

Любила искать.

Любила разгадывать людей.

Люди лгали.

Улики — почти никогда.

Вера улыбнулась уголком рта.

— Ну что ж, — тихо сказала она. — Посмотрим, какие тайны вы прячете.

Она ещё раз взглянула на особняк и направилась к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.